

СЕМ И ИММЕР

У меня есть младший брат. Зовут его Мортимер, ему восемь лет. У него светлые волосы, синие глаза, а на одной щеке ямочка. Он кажется мне лучшим братом в мире, но это просто потому, что я очень его люблю. Иногда он бывает противным, но я всё равно его люблю. А меня зовут Самуэль. Мне одиннадцать лет, и волосы у меня тёмные. Мне кажется, вид у меня самый обычный.

Мы с Мортимером жили у тётки Тюры: она забрала нас к себе, когда наши настоящие родители умерли. Давно это было. Они чем-то заболели — и вот их уже нет на свете. Сначала мы с Мортимером несколько лет жили в приюте. А в один прекрасный день на пороге появилась тётя Тюра, посмотрела на нас своими блёклыми глазами и сказала:

— Теперь, мальчики, вы будете жить со мной.

— А у вас хорошо? — спросил я.

— Конне-е-ечно, — пропела она.

И мы ей поверили.

Стояла весна, светило солнце. Мы шли через весь город в свой новый дом. В канаве росли одуванчики. Мортимер наклонился, сорвал один и протянул тёте Тюре. Стебелёк был коротковат, но Тюра

рассмеялась: «Вот спасибо!» И я подумал: какая она добрая. Хорошо, что мы будем жить у неё.

Но после этого дня тётя уже больше не смеялась. Окна её жилища на втором этаже выходили во двор, да и жить там было не так уж хорошо, как обещала Тюра. В этой тёмной, сырой комнатушке у нас с Мортимером даже кровати не было — мы спали на матрасе за дымоходом. На следующий день тётя Тюра объявила, что мы должны научиться работать: если хочешь, чтобы голод не заглядывал к тебе в дом, нечего сидеть сложа руки. И детям работа найдётся.

Тюра зарабатывала тем, что полировала посуду из нейзильбера — «нового серебра». Поначалу кажется, что «новое серебро», наверное, даже красивее, чем простое старое. Но на самом деле нейзильбер этот вроде ненастоящего серебра, его у нас в одной мастерской делают. Клепают обычный кофейник из сплава, а потом опускают в ядовитую жижу посеребрить. На кофейнике остаётся серебристый налёт, который выглядит как настоящее серебро. Но на самом деле это просто металлический кофейник в нарядной одежке.

Как бы то ни было, Тюра была полировщицей в этой «серебряной» мастерской. Каждое утро она приносила оттуда посеребрённую утварь, на которую следовало навести блеск. Вечером Тюра относила в мастерскую готовые вещи. И чем больше она успевала сделать, тем лучше ей платили.

Этому же ремеслу предстояло научиться и нам с Мортимером.

Тюра зажимала коленями пепельницу и объясняла, как её полировать. Сначала надраиваешь узенькой щёткой с деревянной ручкой. Потом берёшь маленький кровавик, тоже на ручке, и так же усердно трёшь им, пока пепельница не заблестит. А тереть надо очень упорно. «Новое серебро» так просто не отполируешь.

— На одну вещь уходит много часов, — сказала Тюра и сунула пепельницу мне в руки, а Мортимеру вручила сахарницу. — А теперь постарайтесь как следует.

И мы стали полировать посуду.

С того самого дня мы с младшим братом с утра до вечера надраивали пепельницы, сахарницы, кастрюли и кофейники. Мы зажимали их коленями и тёрли так, что руки болели и глаза слезились от тусклого света. Ногти у нас лопались, а от едких паров полироли кружилась голова. Прошёл год, другой, мы выбивались из сил, но мастерская лишь извергала всё новые и новые вещи, которые следовало познакомиться со щёткой и кровавиком, и конца этому не было.

Иногда — когда мы с Мортимером корпели над очередной сахарницей — со двора до нас доносились детские голоса. Другие ребята играли, смеялись, окликались друг друга. Когда Мортимер слышал их, то становился очень серьёзным. Как будто слышал что-то из другого мира, полного загадок и тайн. Если Тюра

выходила на улицу — за дровами или в уборную, — мы с Мортимером сразу бросались к окну, чтобы хоть одним глазком посмотреть на ребят во дворе.

Мы только одним глазком, говорил я. Да, соглашался Мортимер и кивал светловолосой головкой. Но мы почти всегда забывали о времени. Тут-то и являлась Тюра, злая, мечущая громы и молнии из-за того, что мы не надраиваем посуду. Порой ей случалось рассвирепеть так, что она доставала из-за комода мерзкую узловатую палку и отвешивала мне удар. Раз у старший, говорила она, то мне и следить, чтобы мы работали. От удара, конечно, было больно, но пусть, думал я, лишь бы она не напустилась на Мортимера. Я всегда думал, что если она когда-нибудь ударит моего брата, то я вырву палку у неё из рук и побью её саму. Буду бить, пока не лопнет кожа, пока не покажется кровь, пока тётка, рыдая, не скорчится на полу!

Вы, может, скажете, что я скверный человек, раз у меня такие мысли. Не знаю. Знаю только, что очень люблю своего брата. Если бы кто-нибудь стал его обижать, я бы не сдержался. И ещё мне казалось несправедливым, что он целыми днями должен работать не покладая рук. Пусть бы он играл хоть иногда. По вечерам, когда с посудой бывало покончено, мы с Мортимером так уставали, что просто валились на матрас. Лежали там, в углу, прижавшись друг к другу, и я шептал ему:

— А давай как будто мы ужасно устали.

— Давай, — отвечал он.

— Потому что весь день играли, — говорил я. —

Играли с самого утра.

— Да!

— И так заигрались, что забыли отдохнуть.

— Да, здорово было. Я устал и хочу спать.

А завтра опять побегу на улицу.

— Спокойной ночи, Мортимер.

— Спокойной ночи.

И он засыпал. А я ещё какое-то время лежал без сна, глядя в окно. Смотрел в небо, на белую луну, и думал о чём хотел. Я мало что помнил из того времени. Из времени, которое было до тётки Тюры, до приюта. Помню только две вещи.

Первое — что у нас были другие имена. Не Самуэль и Мортимер. Нас звали Сем и Иммер. Хотя, когда мы стали жить у тётки Тюры, она сказала, что это не так. Что нас всегда звали Самуэль и Мортимер, а Семом и Иммером нас, наверное, кто-то прозвал. Потом тётя Тюра наложила запрет на прежние имена. Не надо цепляться за прошлое, говорила она, тем более что эти имена ненастоящие.

Но я всё равно думал, что Сем и Иммер — наши настоящие имена. Как будто так зовут двух мальчиков, которые всамделишные мы! Мы просто изображаем Самуэля и Мортимера, чтобы тётя Тюра не разозлилась.

Второе, что я помню, — это как я сидел на кухне у кого-то на коленях, и этим кем-то, наверное, была

моя мама. Я не помню её лица, зато помню, как она говорила мне:

— Ты живёшь у меня в сердце.

Я спрашивал:

— Твоё сердце — это дом?

— Да, — отвечала она, — красный домик, и в нём две комнаты. Иммер тоже там живёт.

Я прижимался ухом к её груди и слушал:

— Там что-то громко стучит!

И она, смеясь, объясняла:

— Сем и Иммер прыгают на кровати.

Как часто я вспоминал эти слова! И как часто мне хотелось в домик, где мы когда-то жили. Хотелось сильно, до боли. Каждый день я страшно уставал, но иногда по нескольку часов не мог уснуть. Всё плакал и плакал, потому что не жить нам больше в том красном домике. Мы теперь живём у злой тётки Тюры в уродливом доме из серого камня. А ведь тот красный домик — наш настоящий дом, так же как Сем и Иммер — наши настоящие имена.

Однажды — это было не так уж давно — я плакал и случайно разбудил Мортимера.

— Ты чего плачешь? — спросил он.

— Мне грустно.

— Почему?

— Потому что мы с тобой живём у тётки Тюры. Потому что нам нельзя играть. А ещё потому, что мне нельзя называть тебя Иммером.

— А почему ты хочешь называть меня Иммером?

Я сел на матрасе. Луна светила холодно, меня пробрала дрожь. Я знал, что Мортимер, когда мама с папой умерли, был очень маленьким и ничего не помнит. В ту ночь именно это показалось мне ужасным. Что воспоминания есть только у меня. А вдруг я всё забуду? Потому что если тебе не с кем разделить воспоминания, то откуда тебе знать, что они настоящие?

— Слушай меня, — сказал я и обнял Мортимера. — На самом деле тебя зовут не Мортимер. Тебя зовут Иммер. А меня Сем. Понимаешь? Так нас называли мама с папой. Когда мы ещё жили в красном домике. И целыми днями играли.

— Правда?

— Правда.

Может, я и приврал немного, потому что не помнил в точности, как всё было в то далёкое время. Я просто чувствовал, что, когда мы жили в красном домике, каждый день был счастливым днём.

— Но, — продолжал я, — эти имена нельзя проносить вслух. Мы о них можем только думать. Так решила тётя Тюра.

— Почему она так решила?

— Она думает, что это ненастоящие имена, — объяснил я. — Но мы-то с тобой всё знаем.

Он кивнул.

— Дай честное слово, — попросил я, — что никогда не забудешь, как тебя зовут.

— Честное слово.

Тогда я ещё раз крепко обнял братика в холодном свете луны, ткнулся носом в его светлые пушистые волосы и сказал:

— Мы всегда будем друг другу лучшими друзьями, правда?

И Мортимер ответил:

— Всегда.

Так всё и началось. Из-за наших настоящих имён. Не напомни я Мортимеру, что на самом деле его зовут Иммер, мне и рассказывать сейчас было бы не о чем: ничего бы просто не произошло. Не знаю, поверите ли вы моей истории, потому что приключение вышло удивительное — удивительное и опасное. Но вся эта сказка — чистая правда, и королева Индра говорила мне, что её рассказывали не один, а многие тысячи раз. И по сию пору рассказывают. Каждый день во всех уголках земного шара люди рассказывают её — сказку о стране линдвормов*.

* Линдворм — мифическое существо, напоминающее одноглавого дракона или змея с лапами. *Прим. пер.*

ИНДРА

Совсем выбившись из сил, мы с Мортимером лежали на траве. Было непривычно светло. Начиналось утро, туман, пронизанный мелкой моросью, поднимался над землёй, как пар. Мы не знали, где очутились, но уж точно не на северной пашне. Это был какой-то лес, и таким свежим воздухом я не дышал ещё никогда в жизни. Радостно заливались птицы — как и положено, ведь пришла весна. Всюду росли подснежники.

Я взглянул на засыпанный лаз. На месте дыры осталась лишь ровная горка рыхлой земли с колодезную крышку. Мимо такой пройдёшь и не заметишь. Меня передёрнуло от одной мысли, что мы могли остаться там навсегда. Остаться под землёй и камнями. Но мы выбрались. И вот мы здесь, в совершенно новом, неизведанном месте, и, что бы с нами ни случилось дальше, вчера мы видели город, Тюру и её палку в последний раз.

Мы с Мортимером взяли за руки и зашагали. В эту ночь поспать не удалось, и надолго нас не хватило бы. Но лес, солнце и птички трели необычайно бодрили. Разве можно устать, когда вокруг такая чудесная весна?

— Надо же, в конце норы всё-таки что-то оказалось! — сказал я Мортимеру.

— Ага, — согласился он, и я обрадовался, что он не злится на меня из-за того, что я ошибался. Какой же он хороший!

Я покосился на Мортимера: в солнечном свете он был особенно симпатичным. Только светлые волосы торчали, как грязные пакли. На щеках пробился румянец.

Вскоре мы заметили сквозь стену ёлок какое-то серое строение, довольно большое. А вдруг это тот самый замок, о котором говорил Чернокрыс? Замок, в котором живёт его королева?

— Побежали! — сказал я.

И мы с Мортимером помчались, здорово перепугав тетёрку, сидевшую в кустах. Тетёрка взлетела, хлопая крыльями, как большим плащом, и скрылась за кронами деревьев; за ней последовал выводок птенцов.

У серой стены мы остановились. Да, строение оказалось замком. Каменная кладка, башня, окна со ставнями, а вокруг — стена, к которой подступили лесные деревья. В стене темнели узкие бойницы — они как будто пристально рассматривали нас. Где-то во дворе закудаhtала курица. Я вдруг испугался. Что, если это замок не королевы Индры, а чей-нибудь ещё? И владелец рассердится, если мы постучимся?

Мортимер тоже испугался. Последние шаги он сделал, держась у меня за спиной. Я подумал: если в этом замке живёт кто-нибудь, кто покажется нам злым и опасным, мы повернёмся и убежим. А там

видно будет — может, мы найдём другой замок, тот, что нам нужен. Может, в этой стране полным-полно замков?

Но когда мы подошли к воротам, на мусорной куче сидела и грызла хлебную корку крыса! Мы приободрились, и я со словами «Добрый день!» бросился к ней.

Крыса мельком взглянула на нас и снова занялась коркой.

— Ну вот мы с братом и пришли. Всю ночь ползли!

Ответа не последовало. Крыса грызла корку. Доев хлеб, она занялась старой птичьей костью, которую выудила из кучи. Мы с Мортимером переглянулись, и я сделал новую попытку:

— Мы бы хотели повидать королеву Индру. Она дома?

Крыса оторвалась от кости, воззрилась на меня чёрными глазами и зашипела. Под верхней губой блеснули жёлтые зубы. Я попятился и снова взял Мортимера за руку. Довольно долго мы стояли и глядели на крысу. Я чувствовал себя дураком и в то же время злился. Там, в городе, Чернокрыса так заботило, чтобы мы пришли. А теперь он даже разговаривать с нами не желает.

Вдруг с той стороны ворот послышались голоса. Кто-то сказал:

— Я их точно видел, видел в окно.

— Так отодвинь засов! — предложил другой голос.

Мы услышали скрежет, и ворота открылись.

— Ты прав! Это они! — восторженно воскликнул Чернокрыс и, покачивая брюшком, выбежал к нам. На хвосте у него была повязка. — Добро пожаловать, милые детки!

Оказывается, ворота открыл барсук, наряженный в пурпурную шёлковую курточку и шляпу. На первый взгляд он был как будто добрый, но когда заметил крысу, всё ещё сидевшую на мусорной куче, то взвизгнул и с отвращением на мордочке кинулся к ней.

— Брысь, пошла отсюда! — заорал он, и крыса с писком метнулась в море подснежников. Барсук улыбнулся и подошёл к нам. Вид у него был смешной, потому что шёлковая куртка оказалась ему велика. Рукава пришлось подвернуть, а пояс он несколько раз обернул вокруг себя, чтобы не наступить на него.

— Добро пожаловать, мои юные господа, — сказал он и поклонился так низко, что с него чуть не свалилась шляпа.

Мы с Мортимером переглянулись и рассмеялись. Никто ещё не называл нас господами. Но Чернокрыс нетерпеливо махнул хвостом.

— Не стой тут как остолоп, — сказал он барсуку. — Беги, доложи её милости, что ей надо подняться. Живей, Гримбарт!

Барсук убежал, переваливаясь на толстых лапах. Чернокрыс улыбнулся и потёр лапки.

— Вы и представить себе не можете, как я рад, что вы вняли голосу разума и пришли сюда! Я как раз хотел вернуться в ваш городишко, попытать счастья ещё раз. Бог мой, какое скверное место, оно просто дышит бедностью! Мои лёгкие всё ещё полны угольного дыма. — Чернокрыс высунул язык и покашлял. — И вот теперь эти невообразимости мне не грозят.

— Ты всё равно не смог бы вернуться, — сказал я. — Даже если бы захотел.

— Вот как?

— Лаз обвалился. Нас чуть не засыпало.

Крыс охнул:

— Какой ужас! Какой кошмар! Будучи инженером, я, разумеется, принимаю на себя всю полноту ответственности. Ох, ох, а ведь я всегда славился умением рыть хорошие, надёжные норы. К счастью, никто не пострадал. И поскольку вы уже здесь, лаз нам больше не нужен. — Глаза-перчинки сверкнули. — Входите же!

Мы проследовали за Чернокрысом. Под сводом ворот было довольно темно, но вскоре мы оказались во дворе замка. По траве разгуливала курица — её-то мы и слышали, а поодаль стоял небольшой хлев, в окно которого глядела корова. По другую сторону раскинулись делянка с душистыми травами и картофельное поле; здесь же были различные постройки, а прямо перед нами высился сам замок.

— Прошу сюда.

Чернокрыс потрусил вверх по ступенькам, толкнул двери. Мы с Мортимером поспешили следом. Потом мы шли по залам, коридорам, поднимались по очень узкой лестнице со множеством поворотов. Всё здесь было как в старые времена. На стенах лосиные рога, повсюду чучела животных. На полу — шкуры и тканые ковры. В каминах горел огонь. Ещё издали мы слышали чьи-то крики. Потом раздался звон: что-то разбилось, и крики повторились. Похоже, кричала женщина. Мы снова стали подниматься по лестнице, на этот раз винтовой. Я понял, что мы направляемся в башню, которую видели, стоя под стеной. Вскоре мы остановились у открытой двери. Барсук Гримбарт присел у косяка, обхватив голову лапами.

— Её милость бьёт посуду и никого не хочет видеть, — сказал он.

В ту же минуту из дверей вылетела тарелка с паштетом и со звоном разбилась о стену. За тарелкой последовал глиняный кувшин, содержимое которого пенистой волной окатило бедного Гримбарта с головы до лап.

— Теперь от меня будет пахнуть квасом! — взвыл барсук.

— Дай я с ней поговорю, — сказал Чернокрыс. — Иди умойся, уши в маринаде.

Гримбарт побежал вниз по ступенькам, путаясь в промокшей шёлковой курточке, а Чернокрыс сунул голову в дверь и сладко протянул:

— Ваша милость!

Кто-то всхлипнул.

— Ну-ну, ваша милость, не нужно грустить. — Он обернулся и прошептал: — Идите сюда, мальчики, давайте войдём и поприветствуем нашу королеву.

Мы двинулись за ним, хотя, конечно, не знали, кто кричит и почему. Мортимер прижался ко мне, и мы вошли. Посреди покоев стояла кровать с балдахином. Задёрнутые занавеси скрывали лежавшую — с постели доносились вздохи. Оконные шторы почти не пропускали солнечные лучи. Прерывистый тёплый свет исходил только от камина.

— Покажитесь ненадолго, ваша милость, — попросил Чернокрыс. — Даю вам честное слово, вы обрадуетесь.

— Нет, Чернокрыс, — ответила королева. — Довольно сюрпризов. Ничто не сможет меня обрадовать.

— Но сегодня, я уверен, вас ждёт большая радость, — проворковал крыс.

— Букеты и конфеты? — вздохнула королева. — Хватит с меня и того и другого, и я больше не хочу слышать, как ты читаешь стихи. Мне нужно только одно.

— И сегодня, — прошептал Чернокрыс, — вы получите желаемое. Ваша милость, я привёл двух маленьких детей.

После недолгого молчания королева проговорила:

— Двух детей?

— Точно так! Две штуки! Они явились из-под земли, ваша милость, из норы.

— Норы?..

— Да, норы. Не хочу хвастать, но эту нору, так уж получилось, вырыл я, ничтожный. Труды мои длились долго, ваша милость, но поскольку вы были заняты битвём посуды, то не заметили моего отсутствия, гр-рм... Как бы то ни было, мальчики сердечно хотят поприветствовать вашу милость.

— Что ж, — сказала королева, — пусть подойдут.

На кровати зашевелились, и в щель между занавесями просунулась рука. При виде этой руки у меня свело желудок. Рука была не человеческая. Кожа светлая, совсем как у меня, но грубая и покрыта чешуёй. Четыре костлявых пальца оканчивались когтями.

— Подойдите сюда, мальчики, — ласково позвала королева. — Подойдите и поздоровайтесь.

Мы с Мортимером словно приросли к полу. От страха я почти слышал шум собственной крови; ни за что в жизни мне не хотелось подходить к кровати. Если рука такая жуткая, то какова же вся остальная королева?

— Они боятся меня, Чернокрыс, — грустно произнесла невидимая за балдахином королева.

— Они просто стесняются, — заверил крыс. — Ничего страшного. — Он подбежал ко мне, потянул

за штанину и прошептал: — Ну будьте же хорошими мальчиками, поздоровайтесь с королевой.

Мне каким-то чудом удалось оторвать ноги от пола и сделать несколько шагов. Наверное, я просто должен подойти к королеве? Вдруг она разгневется, если я откажусь? Мортимер шёл следом за мной, вцепившись мне в рубашку и еле слышно хныча.

Я подошёл близко-близко — так близко, что мог рассмотреть каждую чешуйку на тощей бледной руке, так близко, что слышал, как дышит королева за балдахинном, — и тихо сказал:

— Добрый день.

Королева рассмеялась:

— Может быть, ты и руку мне подашь?

Я медленно протянул руку и пожал её пальцы. Они были такими холодными и странными на ощупь, что я вздрогнул.

— Как тебя зовут? — спросила королева.

— Самуэль.

— Самуэль? — Королева выпустила мои пальцы и медленно раздвинула полог. На миг у меня остановилось сердце: я увидел её, белую, свернувшуюся на перине. И не мог понять, страшная она или красивая. Но бояться я точно перестал: страх сменился изумлением. Никогда в жизни я не видел подобного существа. Королева больше всего походила на громадную бледную ящерицу-медяницу. Всё её тело покрывала чешуя, и королева блестела, словно только что сменила кожу. Лицо её было мордой ящерицы

с круглыми карими глазами — но взгляд был не звериным, а человеческим.

— Ты назвал себя, — королева склонила голову набок, — но это имя, на мой слух, прозвучало фальшиво.

— Д-да?

Она улыбнулась:

— Может быть, ты думаешь, что оно тебе не подходит?

— Я не знаю, — прошептал я. Как трудно говорить, что думаешь! И как только королева поняла мои мысли? Мне казалось, что я прозрачный и меня видно насквозь.

Королева Индра вытянула шею.

— Кто это прячется у тебя за спиной? Может, у него тоже есть имя?

— Да, — сказал я, — это мой брат. Его зовут Мортимер.

— Понимаю. А можно ли взглянуть на него?

Я сделал шаг в сторону, чтобы Индра увидела Мортимера. От страха он упорно смотрел в пол. Волосы торчали как пакли, руки были чёрными от грязи и земли — но взгляд Индры потеплел.

— Ах! Ах, Чернокрыс... Он само совершенство! Ты только взгляни!

— А я что говорил, драгоценная королева? — улыбнулся крыс. — Теперь-то вы довольны?

Индра кивнула, и я увидел, что её глаза наполнились слезами.

— Уже много лет я не была так счастлива!

— Вам так долго хотелось ребёночка? — спросил Мортимер. Он, похоже, избавился от всякой робости.

— Да, — ответила Индра, — так долго.

Она сползла с кровати, чтобы взглянуть на Мортимера поближе. Извиваясь, она описала круг, рассматривая его так и сяк. Блестящий хвост завивался кольцами. Про меня королева как будто забыла. Она взяла ладошку Мортимера в свою.

— Неужели ты не согласишься, чтобы я баловала тебя до крайности? Неужели не останешься в моём замке, не сделаешь меня счастливой?

Мортимер медлил с ответом. Заметив, что он колеблется, Индра словно устыдилась. Бледные щёки покраснели.

— Ты, конечно, ожидал увидеть какую-нибудь другую королеву, — сказала она. — Линдвормы вызывают у тебя отвращение?

— Линдвормы? — спросил Мортимер. — Ты линдворм?

— Да. — Королева задержала на нём взгляд. — Разве ты никогда не слышал о линдвормах?

Мортимер помотал головой: нет, о линдвормах ни он, ни я слыхом не слыхивали. Мы знали только о гадюках, обычных змеях — а ещё, конечно, о ящерицах-медяницах, на которых королева Индра показала мне похожей.

Мортимер покусал палец и спросил:

— А линдвормы добрые?

— Хо-хо, добрее их днём с огнём не сыщешь! — вмешался Чернокрыс.

Индра улыбулась: наверное, ей понравилось, что крыс так нахваливает её сородичей.

— Линдвормы подобны другим живым существам, — сказала она. — Они рождаются и умирают. А пока живут, хотят родить детей, но, как и говорил Чернокрыс, мне оказалось не под силу стать матерью. Просто не вышло. Прошу тебя, скажи, что остаёшься! Я настаиваю.

— Я останусь, если останется Самуэль, — сказал Мортимер.

Тут Индра наконец вспомнила, что я стою рядом, и поспешно взяла меня за руку.

— Разумеется, вы останетесь оба. Не вижу причин прогонять одного из вас. А ты, Чернокрыс?

Чернокрыс рассмеялся, сотрясаясь всем своим крысиным тельцем:

— Тому нет ни единой причины, ваша милость!